

Русь Святая или Русь Прекрасная?

Культурный и эстетический взгляды на русскую икону

Павел Дейнека

В Инженерном замке филиале Русского Музея в январе 2012 года прошла выставка русских икон и прикладного церковного искусства «Святая Русь». Очень представительная экспозиция. Действительно обильные стенды и удивительное разнообразие выставленных школ и периодов русской иконописи, да и не только. От элитарных захоронений начала 10 века, до полусветской живописи 18 века. Но, конечно всё это объединено стремлением так или иначе запечатлеть свой символ веры.

Однако, на выставке в группе студентов разгорелась небольшая дискуссия, оказалось, что несмотря на глубокую историчность выставленных вещей, они воспринимаются порой под очень разными углами зрения.

При взгляде на долго и тщательно отобранные шедевры иконописи невольно испытываешь восхищение и своего рода трепет от сознания собственной ничтожности. По меньшей мере, ничтожными начинают казаться современные умения и старания художников иконописцев. В итоге суждения можно

условно разделить на две категории: исторические и концептуальные (чисто идейные). Оценочные и эмоциональные опустим.

В ответ на психологически объяснимое впечатление об очевидном упадке современной иконописной школы посыпались возражения: а можно ли вообще говорить сегодня в серьёз о школе или о традиции иконописания? Можно ли сравнивать несравнимые времена и окружение, в котором жил мастер-иконописец в XVI веке и в котором ему приходится жить сейчас?

После краха монархии в 1917 году в России получили беспрецедентно широкий доступ к предметам церковной старины отечественные искусствоведы. Впервые за много десятилетий им никто не мешал осматривать раки с мощами святых, вскрывать усыпальницы, облучать рентгеном иконы. Была проведена огромная каталогизаторская работа. В период с 1918 по начало 1930-х годов в коллекции государственных музеев поступило огромное количество образцов русской иконы и прикладного искус-

Женское ожерелье. XII-начало XIII в., золото, эмаль, драгоценные камни, жемчуг, скань. Москва, Музей Московского Кремля

ства. Как из закрываемых церквей, так и из частных коллекций, зачастую бежавших от революционных беспорядков и послевоенной разрухи граждан. Это, можно сказать, была искусствоведческая революция.

В начале XX века на икону чуть ли не впервые взглянули как на предмет искусства, а не как на принадлежность культа. Хотя тенденции такие уже были: псевдорусский стиль в архитектуре и интерес к национальной старине во второй половине 19 века. Но главное – масштаб, так широко икона вышла в музей лишь в 1920-е годы.

Широкая интервенция музейщиков в историю русского христианства и, продолжая боевые аналогии, захват ими церковных ценностей, очистили православие от многих наносных и вредных для него же явлений. Иногда в прямом смысле яркие краски икон под инструментом реставраторов очищались от потемневшего лака и поздних записей. И, что немаловажно, в советский период православие терпело за постыдную и извечную привычку идти рука об руку с самодержцами, христианство как бы вернули к «эпохе гонений», но иерархи РПЦ МП за редким исключением не прошли испытания (в отличие от Катакомбной церкви)), а подчинились власти (ибо «нет власти не от Бога»)). В хорошем и в дурном, церковь стала ассоциироваться с самим государством, русские цари вслед за византийскими императорами подчинили себе духовную власть, (советские правители позже переняли эту традицию). Поэтому разрушение церквей и народное равнодушие к судьбам церковного наследия долгое время получал одобрение из самых широких слоев русского общества. Так силен был груз обид на рухнувшее совсем недавно монархию и на церковь, как один из элементов ее аппарата. Более того, народ активно участвовал в «церковных погромах».

Много из сокровищницы русского церковного искусства было распродано в большевистские

Портрет Ивана Грозного. Первая половина XVII в. темпера, дерево. Национальный музей в Копенгагене.

1920-е. Главным образом за рубеж уходила утварь из драгоценных металлов, шитье и иконы признаваемые «малоценными». Однако собственно вины музейщиков и искусствоведов первой послереволюционной волны здесь мало. Историки искусства той поры были высокообразованные люди, истинный свет русского общества. Настоящей трагедией для музеев и как следствие для икон была скорее кадровая политика, проводимая большевиками во всех госучреждениях. В том числе в музеях. Постоянные доносы, аресты людей искусства и замена их на всё более «пролетарские» кадры привели к удручающей деградации уровня музейных работников.

Если даже персидские ковры из царской коллекции в центральных музеях к концу 1930-х стали приколачивать гвоздями к стенам, то что говорить об отношении к иконам. За них вступиться было еще сложнее.

Тем не менее, благодаря этому перерождению, икона, как художественный феномен была выведена из губительной ассоциации с пороками действующей русской православной церкви, обрела

своё бытие в музее. Парадокс XX века заключается в том, что если в конце царского периода основная масса верующих составляли малограмотные крестьяне, коих в стране было подавляющее большинство, то в конце советского периода, когда в города переселилось уже почти всё население центральной России, в церкви потянулись люди скорее образованные и думающие. Хотя эта волна и довольно быстро прошла, из-за вновь проснувшейся старой болезни православной церкви – желания слиться со светской властью в одно целое.

Можно спорить, что полезнее для выживания конфессии, малочисленные образованные прихожане или многочисленные, но безграмотные. Но в результате музеефикации, большинство граждан России имеют возможность взглянуть на икону с точки зрения ее эстетической ценности, как на предмет скорее антикварный, нежели культовый.

Сейчас, за редким исключением, спор о возврате или невозврате бывшей церковной собственности из музеев обратно церкви ведется весьма вяло. Ино-

гда даже кажется будто спорщикам всё равно. Особенно, если это не касается споров о собственности с другими христианскими конфессиями (например: какой конфессии должны принадлежать калининградские костёлы и замки?). А государственная власть и РПЦ МП очевидно сегодня лишь дополняют друг друга.

Где же быть иконе: в храме или в музее?

Здесь уместно задать себе ещё вопрос, а чем же отличается содержимое храма от содержимого музеев, к примеру, икона от картины? Если ответ будет: «святостью», то чем измерить святость иконы? Ведь некоторые православные иконы, представители церкви готовы оставить в музеях. Значит для себя они решают какие из отнятых в гражданскую войну и революцию предметов более ценные, а какие менее ценные. По каким критериям ведётся отбор? Хочется верить, что приметы эти вытекают из принципиального убеждения верующих людей в посреднической функции иконы при мистической беседе молящегося с Творцом. Но религиозными аргументами споры не сегодня не ограничиваются.

Итак, отстаивая необходимость возврата конкретной иконы в культовый обиход, верующие аргументируют это тем, что именно эта икона особо «намолена». На наш взгляд, это зачастую лишь эвфемизм для слова «антикварная». То есть здесь прихожане проявляют здравую житейскую смекалку, потому что между двумя изображениями богородицы – бумажным XX века и темперным XV века, они выберут второе. И когда церковники, следуя общим для всех цивилизованных людей правилам, обещают музею, что икона будет защищена стеклянным колпаком, датчиками влажности (только верните ее нам), они тем глубже увязают на заведомо чужой для них территории сугубо светской аргументации. Разница между храмом и музеем исчезает. Если же этих мер защиты не пообещают, то будут обвинены в варварстве и средневековых нравах.

Для церкви же, как для корпорации, есть еще и чисто коммерческий интерес в обладании старинными высоко ценимыми на международном рынке иконами. Выгода может быть неочевидна, ведь продавать ее патриархия конечно не будет. Даже боль-

Хроника Ивана Грозного. Вторая половина XVI в.
Москва, Государственный Исторический музей.

Андрей Рублёв. Спас из Звенигородского чина, рубеж XIV—XV веков

ше, как показал пример торопливых распродаж церковного искусства большевиками в 1920-х гг и нацистами авангардного искусства в 1930-х гг, наводнение рынка таким товаром обрушивает цены и делает продажу бессмысленной.

Среднему классу сегодня хочется сидеть на двух стульях, И богу свечку поставить и в музей сходить. И это нормальный градус приспособленчества. Но за право принять у себя посетителя будут бороться как музей, так и храмы. К примеру, петербургские храмы-достопримечательности, вмеща церковные обряды, при этом берут деньги за вход посетителей. Религиозный туризм – полонничество, не важнее духовнее обычного туризма или не всегда – тоже приносит прибыль, и ещё какую.

В этом измерении музей выглядит более справедливым и безопасным местом для хранения пред-

метов религиозного искусства, ценность которых признают даже представители других конфессий и скептики-атеисты.

И пусть искусствоведы перестанут спекулировать словами украденными из лексикона проповедников: «святость», «дух», «одухотворённость». А церковники пусть перестанут прятать коммерческие интересы за заботой о правах верующих видеть перед собой «образ божий».

Так же попытки «измерить святость» иконы сегодня наталкиваются на новые и невообразимые в ранее препятствия. К таковым можно отнести тиражируемость икон. Можно ли вести речь о том, молился ли живописец прежде чем приступить к написанию образа или нет, если образ печатается на бумаге или пластике в тысячах и миллионах экземплярах! Подавляющее большинство ювелирных поделок, которые сегодня продаются в религиозных лавках и магазинах создаются с применением высоких технологий. Не будем уподобляться Бертррану Расселу и вспоминать, что если бы церковные догматы победили еретическое стремление людей к научному познанию, то не было бы и компьютеров для создания всех этих нательных крестиков и образов. При чем и католическая и православная церкви уже признали, что такие тиражные иконы обладают всеми свойствами рукописных. Их освящают и благославляют. Дух времени бросает вызов традициям, и пока неясно, каков будет ответ.

В заключении хочется особо отметить, что икона как феномен отечественной культуры, безусловно, является ценнейшим предметом изучения со стороны ученых-историков и бесконечно благодарным предметом внимания со стороны её ценителей, как воцерковленных, так и для свободолобивых скептиков. А сама православная культура, как духовный, а не коммерческий феномен, конечно, является кладезем национальных традиций, который необходим не только для сентиментального взгляда назад, но и для осмысленного и независимого становления новых поколений русских людей.

